

Т.А.Резвушкина

*Карагандинский государственный университет им.Е.А.Букедова
(E-mail: rezvushkina_t178@mail.ru)*

Семейная политика в Республике Казахстан: институциональный дизайн и повседневные практики

В статье рассматривается институциональный и повседневный контекст реализации семейной политики в Республике Казахстан. Отмечено, что на современном этапе в Казахстане происходит трансформация института семьи, что должно повлечь за собой дифференциацию мер социальной политики по отношению к семье и родительству. Как показывает практика, современная казахстанская семья создает собственные «рецепты» решения вопросов касательно сроков декретного отпуска, осуществления заботы о детях, выполнения ролей матери и отца.

Ключевые слова: семейная политика, дискурс, гендерная иерархия, повседневные практики, гендерные роли, неотрадиционализм, забота, девочка-«помощница».

Как отмечают исследователи, семейная политика как отдельное направление социальной политики и самостоятельная область исследований, связанная с изучением положения семьи, появилась в политическом и академическом дискурсе западных стран в 60-е годы XX в. Формирование и институционализация семейной политики как системы мер, осуществляемых государством в отношении семьи и граждан с семейными обязанностями, произошли в контексте развития государств всеобщего благосостояния и второго демографического перехода.

В последние десятилетия на Западе происходят существенные изменения в области гендерных отношений, демографического и семейного поведения мужчин и женщин. Существенные изменения брачно-репродуктивного поведения граждан стали рассматривать не только в контексте демографических изменений, но и в связи с возрастающей плюрализацией семейных отношений, появлением новых типов родительства, массовым выходом женщин на рынок труда. Именно в этот период многие государства осознали необходимость разработки и реализации специальной политики, направленной на решение проблем, связанных с жизнью семьи, организацию специальных комитетов или комиссий, отвечающих за работу в этой сфере.

Исследователи, занимающиеся проблемами семьи, рассматривают ее как основное средство экономической и эмоциональной поддержки граждан с семейными обязанностями, а также социализации детей. Именно семья, как особый институт, обладает уникальными качествами для осуществления заботы о детях. Никакой другой социальный институт не может выступать в качестве полноценной замены семьи. Дискуссии об обобществлении и/или маркетизации заботы, которые актуальны для современных исследований семейной политики, практически всегда затрагивают проблему домашней заботы о детях, которую в большинстве случаев выполняют женщины. Репродукция и забота о детях, относящиеся к основным функциям семьи, определяют возрастание интереса к семейной политике в академическом дискурсе о демографических проблемах, с которыми столкнулось большинство стран в конце XX в. Общественная паника по поводу таких демографических вопросов, как численность населения в целом, его возрастная структура, увеличение экономической и социальной нагрузки на так называемое «сэндвич-поколение» сыграли существенную роль в стимулировании интереса к семейной политике во многих странах. Можно говорить о том, что демографические проблемы оказали значительное влияние на появление и формирование традиционной семейной политики на первых этапах ее возникновения и формирования. Общественное беспокойство по этим вопросам, или «демографические паники», привели к осознанию обществом необходимости разработки и реализации того или иного типа семейной политики даже в тех странах, которые ранее игнорировали ее значимость.

На возникновение интереса к семейной политике в общественном, политическом и научном дискурсе оказали значительное влияние произошедшие изменения в структуре и составе семьи, а также изменения в функциях семьи и семейных ролях. Семья как социальный институт, семейные и родительские практики трансформируются в контексте общего тренда, связанного с ростом рефлексивной модернизации и растущим значением индивидуальной идентичности [1; 47]. Происходящее

изменение ценностей затрагивает как мужчин, так и женщин. И те и другие становятся все более избрательными в своей семейной жизни, по-разному выстраивая свои жизненные сценарии. Эти тенденции выражаются в том, что молодые люди откладывают принятие решения о вступлении в брак, рождении ребенка, более внимательно относятся к жизненным обстоятельствам и условиям, в которых они становятся родителями. У.Бек говорит о формировании так называемой постсемьи — новой организации брачно-репродуктивного поведения на основе договора между партнерами. В отличие от традиционной семьи с четким гендерным разделением труда между супругами этот тип объединяет партнеров, в равной степени ориентированных на самореализацию как в семье, так и в профессии и объединенных в большей степени условными отношениями по сравнению со статусными предписаниями [2; 53]. Каким образом общество реагирует на эти изменения и какие последствия они несут для общества?

Институциональный дизайн семейной политики в западных странах с либеральной демократией определяет форму и содержание возможного ответа на новые вызовы, с которыми сталкиваются государства. Общим фактом является то, что все происходящие изменения рассматриваются как важный аспект перехода к постиндустриальному обществу: масштабные социальные и экономические тенденции: глобализация и деинституционализация, изменение структуры рынка труда и старение населения, которые, как правило, меняют паттерны брачно-репродуктивного поведения.

Также происходящие процессы индивидуализации и либерализации в приватной сфере рассматриваются как последствия трансформации гендерных ролей, особенно ролей женщин, которые произошли в западных странах во второй половине XX в. Практически все исследователи соглашаются с тем, что самое существенное изменение — увеличение числа женщин, занятых в профессиональной сфере, привело к их экономической эмансипации, а также к появлению в повестке дня новых вопросов, связанных с организацией социальной заботы о детях, поиском баланса семьи и работы. Массовый выход женщин на рынок труда обусловлен рядом причин. К ним относятся политика государств всеобщего благосостояния, направленная на увеличение количества работающих, потенциальных налогоплательщиков; структурные изменения экономики, когда произошел переход от индустриального общества к так называемой «экономике услуг», в которой в большей степени задействованы женщины и больше востребованы такие женские качества, как забота, внимание, эмпатия и др.

Экономическая эмансипация женщин, поддержка, которую они получают со стороны государства как работницы и как матери, приводят к тому, что меняется роль мужчины в семье, происходит переход от традиционной модели семьи с мужчиной-кормильцем и женщиной-домохозяйкой к семье с двумя работающими родителями, возникает модель «работающего взрослого».

Как отмечает российская исследовательница Ж.Чернова: «Семейная политика и социальная политика по-разному реагируют на возникающую тенденцию индивидуализации, и ответ часто зависит от того, какая гендерная идеология (вос) — производится в результате действий государства и к каким последствиям они приводят в категориях гендерного (не) — равенства. В тех странах, где политика ориентирована на поддержку традиционной модели семьи, по своему дизайну руководствуется принципами материализма, т.е. направлена на фигуру матери, что также поддерживается гендерной сегрегацией на рынке труда, — будет создано больше стимулов для женщин, чтобы они после рождения ребенка прекращали работать и посвящали себя воспитанию и заботе о нем. Напротив, если государство ориентировано на создание и продвижение гендерного равенства, то семейная политика будет направлена на создание оптимальных и разнообразных условий для совмещения профессиональных родительских функций женщинами с детьми. Реализация определенной модели семейной политики в конкретной стране может быть связана с использованием труда мигрантов или иностранных наемных работников, модернизацией домашнего труда, что также будет иметь значение как для семьи, так и для гендерных отношений в целом. Это позволяет по-другому подходить к вопросу о гендерном неравенстве, которое будет включать не только неравенство между мужчинами и женщинами в публичной и приватной сферах, но и неравенство между различными категориями женщин, основанное на классовой позиции, этничности, гражданстве. В данном случае анализ политики обязательно учитывает то, что такая традиционно женская работа, как забота о детях, выполняется женщинами-мигрантами. В целом можно отметить, что независимо от рыночных потребностей в трудовых ресурсах, с одной стороны, или целей гендерного равенства — с другой, эти изменения в последние десятилетия играют чрезвычайно важную роль в стимулировании интереса к семейной политике во всех странах» [3].

В рамках данной статьи мы рассмотрим институциональный и повседневный контекст реализации семейной политики в Казахстане. При анализе современного казахстанского общества необходимо учитывать не только специфику современной политики государства в отношении семьи, но и наследие советского гендерного проекта. Ж.Чернова определяет советский гендерный порядок как «...этакратический, с гегемонической ролью государства в формировании гендерных нормативных образцов. На уровне идеологии политика государства в отношении семьи основывалась на принципах гендерного равенства, особенно в публичной сфере, патернализме, а также институционализации заботы о детях. (Вос) — производство гендерного контракта «работающая мать» — нормативного образца советской женственности — включал обсуждение в официальной риторике проблемы баланса семьи и работы, а вся совокупность предпринимаемых действий была направлена на то, чтобы создать благоприятные условия для сочетания женщинами материнства с профессиональной деятельностью и участием в общественной жизни. Наравне с этим сосуществовали консервативные представления о гендерном разделении ролей в сфере семьи и родительства, когда мать рассматривалась как главный поставщик заботы о детях в семье и исполнитель рутинных обязанностей по поддержанию быта» [4]. Примером, подтверждающим это утверждение, может выступать отпуск по уходу за ребенком, право на который имели исключительно женщины. Таким образом, в советской семейной политике в качестве объекта выступают только женщина-мать и ее дети. При этом государство не рассматривало семейные и родительские роли мужчин в качестве своих приоритетов, и большая включенность мужчин в выполнение неоплачиваемой домашней работы не предполагалась даже на уровне задач и целей советской семейной политики.

«Гендерные последствия проводимой советским государством идеологии и семейной политики были неоднозначными. С одной стороны, благодаря мощной государственной поддержке стала возможна женская эмансипация (политическая и экономическая мобилизация женщин, их массовое включение в общественное производство, высокий уровень образования, квотирование участия женщин в органах власти разных уровней и др.). С другой стороны, акцент на гендерном равенстве в публичной сфере и практически полное отсутствие подобной практики в домашней сфере и в реализации родительства привели к формированию гендерно-асимметричного родительства [4].

Другими словами, результатом советской семейной политики было закрепление государственно-патриархата, когда государство и женщины заключили договор, предполагающий, что в обмен на лояльность и исполнение предписаний гендерного контракта «работающей матери» получают поддержку от государства. Фактически можно говорить, что в результате проводимой политики были созданы условия для дефамелизации женщин, понимаемой как возможность создавать и поддерживать автономное домохозяйство независимо от мужчины, а также паттерны неравного участия в сфере выполнения домашних обязанностей и заботы о детях, которые устойчиво воспроизводятся и сегодня.

С конца 1990-х гг. и по сегодняшний день можно говорить о возникновении неотрадиционализма как устойчивой тенденции трансформации гендерных отношений в современном Казахстане. Данная тенденция является доминирующей, также отмечается институционализация традиционалистского дискурса в идеологии и инструментах семейной политики. В трансформирующемся казахстанском обществе семейная политика может быть охарактеризована как традиционная, пронаталистская и фамилистская, которая ориентирована на нормативную модель семьи (отец, мать и дети). В публичном, медийном, академическом дискурсах регулярно воспроизводится идея о необходимости возрождения института семьи как оплота нации, в которой женщина выполняет традиционные роли — жены и матери, а мужчине возвращается экономическая ответственность за обеспечение семьи [см. Стратегия достижения гендерного равенства в Республике Казахстан на 2006–2016 гг., Демографическая политика, выступления Президента РК]. По сути, казахстанский неотрадиционализм становится государственной идеологией в трансформирующемся обществе.

В рамках социологического анализа семейной политики предпринимаются попытки понять модели осуществления заботы со стороны государства и акторов. Исследователи утверждают, что разнообразие мужских и женских паттернов участия в работе и заботе в значительной степени можно объяснить за счет дизайна социальной и семейной политики государства, который может выступать как катализатор или, напротив, барьер для гендерного (не) — равенства. Логика в данном случае следующая: политика формирует поведение людей, выступая структурным условием, задающим возможный репертуар жизненных сценариев и выборов на уровне индивида и домохозяйства, поэтому модели работы и заботы являются следствием проводимой политики. Но в случае несоответствия

реализуемой социальной политики интересам акторов формируются собственные «рецепты» адаптации к структурным условиям.

В качестве теоретического основания мы используем подход австралийского социолога Р.Коннелла, который применяет объединительную парадигму в гендерных исследованиях, заимствованную у Э.Гидденса. Объединительная парадигма в социологии возникает как попытка преодоления противопоставления объективного (социальной структуры) и субъективного (действий агента). В теории структуризации Э.Гидденса структура и практика связываются следующим образом: человеческая практика всегда предполагает наличие социальной структуры, в том смысле, что она неизменно включает в себя социальные правила или ресурсы [5; 142].

Применяя объединительную парадигму, Р.Коннелл предлагает описать структуру, выяснить, чем она является в данной ситуации, а затем изучить, как структура ограничивает свободное осуществление практики. Практика в этом смысле представляет собой трансформацию конкретной ситуации в определенном направлении в соответствии или вопреки структуре. Вышеупомянутые структурные модели являются главными элементами любого гендерного порядка или гендерного режима. Коннелл вводит понятие «гендерного порядка», понимаемого как совокупность повседневных практик и структурных условий, организующих взаимодействие полов на разных уровнях общества [5; 144]:

- институциональном (социальные институты, регулирующие поведение полов);
- идеологическом (гендерные идеологии и дискурсы, гендерные нормы поведения);
- символическом (представления о мужественности и женственности);
- повседневном (гендерные идентичности).

Таким образом, используя подход Р.Коннелла, мы проанализируем, каким образом объективно заданные структуры в виде господствующего дискурса, действий государственных институтов влияют на повседневные практики индивидов в области семьи и брака.

На уровне повседневных практик наша статья посвящена описанию и анализу традиции, которую мы условно обозначили как «помощница». Данная практика подразумевает использование труда молодой девушки/женщины, дальней родственницы из городской или сельской местности, которая имеет опыт ведения домашнего хозяйства и заботы о детях. Ее пребывание в собственной семье проблематизировано, так как у семьи нет финансовых возможностей для ее обучения или выдачи замуж, но есть родственники, которые проживают в городе, финансово состоятельны и у которых есть дети, нуждающиеся в опеке. В качестве «оплаты» ее труда принимающая семья обязуется обеспечить ее питанием, одеждой, иногда оплачивая ее образование в учебном заведении*.

Следует отметить, что данная практика не имеет своего лингвистического обозначения. Так, ни в одном историческом источнике, описывающем быт казахов (см.: Н.Э.Масанов, Ж.В.Абылхожин, И.В.Ерофеева, А.Н.Алексеев, Г.С.Баратова; С.Г.Кляшторный, Т.И.Султанов, А.И.Левшин, Н.А.Кисляков), не упоминается данная традиция, но при беседах с женщинами-казашками все соглашались, что либо такой опыт, либо знание о существовании такой практики у них имеется.

В рамках данной статьи в качестве примера мы рассмотрим случай информантки А., которая, поступив на обучение в один из вузов г. Астаны, приехала жить к своей тете. Информантке 20 лет, она из городской семьи среднего класса. Семья тети состоит из четырех человек (муж — государственный служащий, дочь — 17 лет, сын — 10 лет и дочь — 1,5 месяца). Это интервью мы обозначили как «*помогай, слушай, убирайся*». Само интервью состояло из нескольких тематических блоков.

Блок первый посвящен описанию ситуации переезда и тем правилам, которые информантка должна будет соблюдать в новой семье.

И.: *У тебя был вариант жить в общежитии, на съёмной квартире?*

А.: *Я подавала заявление, но не получилось.*

И.: *Когда с мамой наверняка обсуждали, как ты будешь жить, на каких условиях? Ты ведь все равно приходишь в чужую семью, вы продумывали...*

А.: *Да, конечно! Там за собой убирайся и т.д. ну такие вот мелочи... Помогай, слушай, убирайся...*

Во втором блоке описывается семья тети, кто какой социальный статус занимает, какие отношения складываются между родителями и детьми.

* В период с января по май 2014 г. было проведено 5 глубинных биографических интервью с девушками, проживающими в семьях своих родственников и осуществляющими заботу о домашнем хозяйстве и детях этой семьи в гг. Астане и Караганде. Возраст информанток варьировался от 17 до 25 лет. Способ поиска информанток — метод снежного кома.

А.: *Государственный служащий, значимый (тётя)... этот ребенок наверно был больше для дяди... то, что у всех друзей по 3–4 ребенка. Их постоянно упрекали, почему так мало и т.д. ...она будет возвращаться (на работу)...как только ребенок..., ну предполагается, что будет няня. И поэтому, как только можно будет допускать няню к ребенку, она сразу возвратится...Но сейчас в этом периоде я, конечно, должна и в магазин ходить... ну в общем больше каких-то на меня возложилось обязанностей.*

В третьем блоке А. рассказывает об участии мужчин в выполнении домашнего труда.

А.: *Дядя очень добрый, не каждый дядя бы так поступил... Вот это от него идет атмосфера в семье. Он очень добрый, спокойный...у него такая работа, что он может дома сидеть. Выходит 3 раза в день на несколько часов...бывает, может приготовить (еду)...редко, как ему захочется...что-то физическое поднять или опустить я не знаю....*

И.: *А братишка?*

А.: *Братишка ничего не делает абсолютно...он заканчивает 4 класс. Он маленький и даже меня не особо слушает, но уважает, в принципе...вообще абсолютно, даже утром сам не встает...правда, сумку сам... уроки я помогаю делать...иногда я даже... мне жалко становится, он говорит, я не успеваю, и тогда я свои проблемы..., на второй план. У меня с учебой нормально. Могу иногда...*

В четвертом блоке информантка рассказала о своих планах на будущее:

И.: *Ты не вернешься туда?*

А.: *Нет...зачем? Ну, она там часто говорит, ты не забывай, я тебе кушать готовила и т.д. и такое вот... по мелочи...*

И.: *Ты бы решила второй раз жить в этой семье? Условно говоря, есть выбор — общежитие, съемная квартира или с ними?*

А.: *Сейчас я бы жила на съемной квартире...*

Проведя серию интервью с девушками—«помощницами», мы пришли к следующим выводам:

1. Система гендерного неравенства заметно ужесточилась в Казахстане с приходом капиталистических отношений и свободного рынка, когда государство сняло с себя обязательства по обеспечению дифференцированного набора социальных услуг и поставило акторов в ситуацию необходимости поиска собственных стратегий, «рецептов» решения проблем по ведению домашнего хозяйства, уходу и воспитанию детей. Одним из таких способов адаптации, «рецептов», сформированных в казахских семьях городского среднего класса, является использование труда молодых девушек—«помощниц».

2. Повседневные, бытовые отношения в казахских семьях жестко иерархизированы, особенно в отношении такого критерия, как возраст. Это подразумевает демонстрационное и полное подчинение младших старшим.

3. Гендерное неравенство воспроизводится самими женщинами, которые сохраняют и передают следующему поколению женщин ценности и нормы послушания, уважения, почитания старших, особенно мужчин.

4. Домашний труд гендерно маркирован, он вменяется в обязанности женщин и только женщин. Этот труд не расценивается как работа, скорее, он рассматривается как некая обязанность, свойственная «природе» женщин. Причем такую оценку данному труду дают сами женщины.

5. В казахских семьях поддерживается эксплуатация старшими женщинами молодых девушек, когда, по умолчанию, девушки обязаны нести на себе бремя всех домашних забот и работ.

6. С точки зрения последствий современной семейной политики государства можно констатировать, что она привела к консервации ситуации, когда эмансипация, затронувшая преимущественно женщин, расширившая для них репертуар возможных ролей и стилей жизни, мало затронула маскулинность. По-прежнему роль «кормильца» является нормативной моделью и не предполагает равного участия отцов и мужчин в выполнении домашней работы, осуществления ухода за детьми и их воспитания. Отсутствие институциональных поддержек для реализации «ответственного отцовства» приводит к тому, что рождение ребенка становится триггером традиционализации гендерных ролей в семье.

7. Практически полное отсутствие эффективных механизмов и социальных программ по поддержке родительства, которые бы были направлены на создание оптимальных условий для совмещения профессиональных, семейных и родительских обязанностей (рабочее место, дружественное семье, доступная и качественная инфраструктура заботы о детях), делает женщин, и только женщин,

субъектами поиска баланса семьи и работы, что, с одной стороны, повышает социально-экономические риски материнства, а с другой — способствует закреплению гендерного неравенства, когда основное участие в обеспечении семьи и организации повседневной заботы о детях ложится на плечи женщин.

Список литературы

- 1 Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В.Седельника и Н.Фёдоровой. — М.: Прогресс — Традиция, 2000. — 384 с.
- 2 Кляйненберг Э. Жизнь соло: Новая социальная реальность / Кляйненберг Эрик; пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2014. — 279 с.
- 3 Чернова Ж. Молодая семья как объект/субъект социальной политики. — [ЭР]. Режим доступа: <http://polit.ru/article/2010/11/30/family>.
- 4 Чернова Ж. Модель «советского» отцовства: дискурсивные предписания. — [ЭР]. Режим доступа: http://socioline.ru/files/5/348/pages%20from%20gender2_08_03_last.pdf.
- 5 Тартаковская И.Н. Гендерная социология. — М.: ООО «Вариант» при участии ООО «Невский Простор», 2005. — 340 с.
- 6 Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.В., Ерофеева И.В., Алексеенко А.Н., Баратова Г.С. История Казахстана: народы и культуры. — Алматы, 2001. — 246 с.
- 7 Кляиторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан: летопись трех тысячелетий. — Алматы: Кітап, 1992. — 339 с.
- 8 Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. — Алматы: Кітап, 1996. — 331 с.
- 9 Кисляков Н.А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. — Л.: Наука, 1969. — 238 с.

Т.А.Резвущкина

Қазақстан Республикасындағы отбасылық саясат: институционалды дизайн және күнделікті тәжірибе

Мақалада Қазақстан Республикасындағы отбасылық саясатты іске асырудың институционалды және күнделікті тетігі қарастырылды. Қазіргі таңда Қазақстанда отбасы институтының өзгерісі байқалады, соның салдарынан отбасы мен ата-аналыққа деген әлеуметтік саясаттың дифференциациясы байқалуы тиіс. Бірақ тәжірибе көрсеткендей, қазіргі қазақстандық отбасы балаларға қамқорлық, демалыс уақытын ұйымдастыру, ата-ана қызметін атқару жайында өзіндік шешімдерін қабылдау үстінде.

T.A.Rezvushkina

Family policy in the Republic of Kazakhstan: institutional design and daily patricians

In this article the institutional and daily context of realization of family policy in the Republic of Kazakhstan is considered. At the present stage in Kazakhstan there is a transformation of institute of a family that has to cause differentiation of measures of social policy in relation to a family and a parenthood. But, as practice shows, the modern Kazakhstan family creates own «recipes» of the solution of questions concerning terms of a maternity leave, implementation of care of children, performance of roles of mother and the father.

References

- 1 Beck U. *Society of risk. On the way to other modernist style*, the lane with is mute to V.Sedelnik and N.Fyodorova, Moscow: Progress-Tradition, 2000, 384 p.
- 2 Klyaynenberg E. *Life in solo: New social reality*, the lane with English, Moscow: Alpina non-fiction, 2014, 279 p.
- 3 Chernova Zh. *Young family as object/subject of social policy*, [ER]. Access mode: <http://polit.ru/article/2010/11/30/family/>(date of the address: 3.12. 2014).

- 4 Chernova Zh. *Model of the «Soviet» paternity: diskursivny instructions*, [ER]. Access mode: http://socioline.ru/files/5/348/pages%20from%20gender2_08_03_last.pdf (date of the address: 21.11.2014).
- 5 Tartakovskaya I.N. *Gender sociology*, Moscow: JSC Variant with the assistance of JSC Nevsky Prostor, 2005, 340 p.
- 6 Masanov N.E., Abylkhozhin Zh.V., Erofeyeva I.V., Alekseenko A.N., Baratova G.S. *Stories of Kazakhstan: people and cultures*, Almaty, 2001, 246 p.
- 7 Klyashtorny S.G., Sultanov T.I. *Kazakhstan: chronicle of three millennia*, Almaty: Kitap, 1992, 339 p.
- 8 Levshin A.I. *The description the Kyrgyz–kazakh or Kyrgyz-kaysak hordes and steppes*, Almaty: Kitap, 1996, 331 p.
- 9 Kislyakov N.A. *Sketches on stories of a family and marriage at the people of Central Asia and Kazakhstan*, Leningrad: Science, 1969, 238 p.

Репозиторий КАРГУ